

ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ В 1941-44 гг.

А.В. Мирошниченко

преподаватель кафедры психологии и педагогики

Национального технического университета Украины

«Киевский политехнический институт»

У статті висвітлено, яким чином неузгодженість позицій керівництва окупованої Германією території УРСР призвела до деформації системи навчання, заснованої німцями до революції 1917 р., що суттєво зменшило роль німецького етносу в становленні освітньої системи.

Ключові слова: освіта, німецька окупаційна політика.

История, в том числе и новейшая, не оставляет никаких шансов услышать предостережение из глубины веков и масса, от гласа которой зависит и исторический выбор, в любой неожиданный момент может поднять знамя любого пророка. А остальное - дело техники, последними примерами чему служат и “Тысячелетний Рейх “ и СССР. В отличие от других наук, в истории нет возможности проверить параллельный вариант развития общества и то единственное человечество, которое мы имеем сегодня, сформировалось под сильнейшим воздействием российского опыта и российских усилий и инициатив, особенно в XVIII--XIX веках и начале XX века, когда было сильно влияние немецкой мобильной диаспоры в России.

Западная школа, изготавливающая субъектов для заполнения фабрик, контор, офисов, не давала человеку стройной системы знаний, которые бы его возвышали, учили свободно и независимо мыслить. Из этой школы должен был выйти “добропорядочный гражданин, работник и потребитель”, для чего подбирался ограниченный запас знаний, раскладывающий людей “по полочкам”. Так западная школа оторвалась от университета, суть которого изначально заключалась в целостности системы знаний и возникла некая “мозаичная” культура, носителем которой являлся *человек-специалист*, наполненный множеством сведений, необходимых для выполнения определенных операций. Самодовольный, считающий себя образованным, но остающийся винтиком в капиталистической системе – “специалист”. И главным отличием западной школы от единой советской *трудо-вой* можно считать *антитрудовой* характер “двойной” западной школы. “Двойная” школа исходит из представления о “двойном обществе” – цивилизованном (гражданское общество или Республика собственников) и нецивилизованном (пролетарии). Элитарные школы отчуждают человека от трудовой деятель-

ности, создавая ощущение, что не существует связи между материальными благами гражданского высшего общества и трудом наемных работников.

Создание системы народного просвещения и специального и высшего образования в СССР и на Украине представляло собой историческое завоевание, так как курс на всеобщее обучение распахнул двери практически для всех слоев общества. Советская школа сделала огромный шаг, еще не вполне оцененный современниками – порвала с капиталистической школой как с “фабрикой субъектов” и вернулась к “воспитанию личности” на новой, уже научной основе. Советская школа провозгласила принцип “единой трудовой общеобразовательной школы”, к которой в СССР шли после начала индустриализации – высшей ступени развития общества технической цивилизации. Это позволило СССР совершить невиданный в истории скачок, стать мощной мировой державой, собрав из городов и сел неиссякаемые ресурсы в духовной и научной сферах. Именно школа помогла соединить тело советского народа, сформировать совокупность личностей в народ, как бы реализующий общую силу – советский народ. Проверкой этой небывалой силы была война, именно поэтому-то и сказал Сталин: “Войну выиграл сельский учитель”. Военные историки обеих сторон отмечали различие германского и советского солдата. Если в бою удавалось быстро выбить германских офицеров, то это надолго парализовало подразделение, несмотря на отличную индивидуальную выучку солдат. В советских войсках, если падал офицер, командование принимал ближайший сержант, а то и рядовой: “Я командир! Слушай мою команду!”. Советская школа воспитывала в каждом убеждение, что он за все в ответе. Знания, которые давала советская школа – это огромная, дорогая роскошь, добытая трудом многих поколений, в том числе и живших в России немцев.

В течение многих поколений германская система образования, начиная с детского сада и кончая университетом, была образцом для всего мира. Положение учителя в обществе и сущность учебного процесса вызывали всеобщее уважение и служили эталоном для подражания. Уровень подготовки студентов и компетенция преподавательского состава высших учебных заведений и университетов пользовались заслуженной репутацией.

Но германскую университетскую систему всегда отличал националистический дух. Например, в 1915 г. около 450 профессоров университетов подписали заявление о поддержке военной политики Германии, многие профессора и академики отказались признать поражение Германии в 1918 г. и либо неприязненно, либо безразлично отнеслись к Веймарской республике. В такой атмосфере господства национал-социалистической идеологии [5] к 30-м годам XX в. германская образовательная система стала легкой добычей для нацистских политиков. За 12 лет существования “Тысячелетнего Рейха” произошел катастрофический упадок всей системы образования, когда ее стали подгонять под “стандарты” нацистской диктатуры. Новые учебные планы основной упор делали на базовые элементы *нацистской идеологии* – расизм и национализм, и предусматривали, например, чтение лекций по “германской физике”, “германской математике” и т.п. При этом современная физика в целом объявлялась “еврейской наукой”, теория относительности А. Эйнштейна преподносилась как “еврейский заговор с целью достижения мирового господства и обращения немцев в рабов”. Реформы, проведенные нацистским руководством в системе образования, имели катастрофические последствия. Произошло резкое снижение как интеллектуальной, так и профессиональной подготовки учащихся. Пользовавшаяся ранее всеобщим уважением благодаря качеству и объему преподаваемых знаний, достоинству и обстоятельности, немецкая система образования превратилась в “приложение к нацистскому министерству пропаганды”. От года к году уровень подготовки учащихся стремительно падал на всех этапах – от начальной школы до университета, тем более что, кроме изгнания из системы образования “неарийцев”, происходил процесс ухода из этой системы также и немцев, не разделявших идеологию нацизма.

Анализ организации учебного процесса в школах оккупированной УССР учитывал, но не включал сведений из украинских источников [4; 7], которые базировались исключительно на свидетельствах очевидцев. Анализ был проведен в Мюнхенском свободном украин-

ском университете (Ukrainischen freie Universität) на основе только немецких документов [5, 6]. Это были в основном документы из фондов Государственного архива в Кобленце, Военного архива во Фрейбурге/Брайсгау, Института современной истории в Мюнхене, Политического архива Министерства иностранных дел в Бонне и Института внешних сношений в Штутгарте. Как следует из этого анализа, административные учреждения Третьего Рейха – *Государственное министерство для оккупированных восточных территорий* во главе с рейхсминистром Альфредом Розенбергом [8] и *Государственный комиссариат Украины* во главе с рейхскомиссаром Эрихом Кохом за все время оккупации так и не нашли общего языка в вопросах образовательной политики.

Альфред Розенберг, глава *Государственного министерства для оккупированных восточных территорий*, планировал тотальное переселение украинцев куда-нибудь подальше на восток и на север.

Гиммлер, рейхсфюрер СС, говорил еще конкретнее: “...восток будет заселен людьми только немецкой, германской крови”.

Гаулейтер Рейхскомиссариата Украина Эрих Кох с самого начала оккупации отбросил идею “свободной Украины”, так как придерживался точки зрения фюрера, что “*славяне принадлежат к семейству кроликов, а посему ...нельзя позволить никакого обучения и никакой помощи местному населению. Знания сигналов дорожного движения им будет достаточно... Тут, на Востоке, повторяется процесс, подобный завоеванию Америки*”. То есть повторяется процесс уничтожения коренного населения. Эрих Кох четко осуществлял эту программу “освобождения Украины”, в августе 1942 г. инструктируя нацистских чиновников в Ровно: “*Необходимо поддерживать низкий образовательный уровень украинцев... Трехклассные школы уже дают слишком высокое образование. Кроме того, надо сделать все, чтобы снизить высокий демографический рост на этих территориях. Фюрер предусмотрел для этого специальные меры. Ибо иначе, через несколько поколений, немецкий народ будет прижат к стене биологической силой этого народа*”. А вот и сами предусмотренные меры в виде секретной инструкции: “*Не бороться с туберкулезом, тифом. Закрывать больницы для населения. Приостановить производство местных врачей... Сломать все, что имеет хребет*” [7].

В авторском исполнении Коха эти директивы в 1943 г. выглядели так: “*Я смогу выдавить из этой страны все до последней капли. Население должно работать, работать*”

и еще раз работать... Мы господствующий народ, а это означает, что самый простой в расовом отношении немецкий рабочий биологически в тысячу раз ценнее в сравнении с местным населением... И никогда не будет дружбы между славянами и германцами, будут только победители и побежденные... Из Украины надо сделать территорию немецкой колонизации... Идея раздать украинскую землю в собственность – безумие. Немцы живут хуже, чем украинцы, у которых женщины всегда выглядят откормленными, имеют большую грудь и т. д., а немецкие женщины должны принести жертву за жертвой... Надо остановить биологическую силу Украины обилием табака и водки“

Отсюда следует, что на оккупированных восточных территориях нацистам меньше всего было дела именно до образования “низших народов”, хотя у всех завоевателей всегда была, есть и будет в дальнейшем, потребность в “представителях туземной администрации, умеющих читать законы”. Остальное же население оккупированных восточных территорий, следуя Геббельсу, “должно было уметь читать только запрещающие надписи”.

Германская оккупационная административная система, будучи функцией детального планирования, оказалась парализованной конфликтами авторитетов, спорами о компетентности и, как следствие, широким размахом импровизации [6]. Образовательная политика А. Розенберга и Э. Коха имела внешние различия в целях и методах, так как Розенбергу не удалось убедить Коха в необходимости активной школьной политики с оглядкой на хозяйственную эксплуатацию Украины в согласии с политическими целями восточной политики. Розенбергу так и не удалось объяснить Коху, что запланированная система обучения приведет к воспитанию нежелательной прослойки местного населения. Даже очень ограниченное образование подвергалось постоянным изменениям: школы то запрещались, то открывались, потом опять закрывались и вновь открывались. Эта неуверенность и неясность целей оккупационного руководства имели негативное влияние на подчиненные им ведомства. Известны случаи, когда “Рейхскомиссариат Украина” запрещал областным комиссарам выполнение постановлений и указаний, согласованных ранее письменно с А. Розенбергом, который был вынужден отдельными приказами добиваться своих целей. Такое положение обуславливалось разными взглядами А. Розенберга и Э. Коха на цели восточной политики Третьего Рейха, в том числе и на образование. Это приводило к тому, что генеральные комиссары старались

или не трогать “горячей” школьной темы или не проявляли к ней особого интереса. В Киеве, например, школьное образование было отнесено к компетенции городского головы. На практике все старались занять такое положение, которое устраивало бы и рейхсминистра и рейхскомиссара. Аналогично вели себя и областные комиссары. Немногочисленные школьные правила и распоряжения были неоднозначными и служили основной причиной паралича этого направления работы. Своим постановлением от 22 октября 1942 г. Э. Кох воспрепятствовал появлению первых школьных учебников: букварей, учебников арифметики и хрестоматии, несмотря на распоряжения А. Розенберга, посчитавшим это серьезным вмешательством в его компетенцию. В Государственном министерстве для оккупированных восточных территорий под руководством А. Розенберга разрабатывались даже “улучшенные” планы восстановления школьной системы в случае повторной оккупации Украины [6]. И хотя время для их реализации так и не пришло, они могут служить основой для анализа идей, планов и проявлений национал-социалистической идеологии.

Полагая, что оккупация Украины, как и других территорий Восточной Европы, никак не являлась “спасением Германии от коммунизма” или “освобождением Европы от большевиков”, а национал-социализм планировал через уничтожение СССР завоевать и по колониальному эксплуатировать громадные территории, открытие школ (или, вернее, их “неоткрытие”) являлось в большой степени политическим мероприятием. Население оккупированной украинской территории, в состав которого входила и часть живших ранее на ней немцев, с некоторым недоверием относилось к большинству непоследовательных мероприятий оккупационной администрации [6], в том числе и по школе. Это недоверие с большим умением использовалось большевистской пропагандой, так как на практике отсутствие школ в Рейхскомиссариате Украина способствовало бесконтрольному поведению детей среднего и старшего школьного возраста, увеличению молодежной преступности, кражам, торговле на черном рынке и, как следствие, уход многих из них в партизаны [7]. Попытки местной украинской администрации контролировать места нахождения детей школьного возраста и их поведение путем привлечению к различным работам под руководством учителей были практически безрезультатны. Безработица и критично низкий уровень оплаты труда немногих работающих учителей даже из числа оставшихся немцев-фольксдойче, избежавших высылки на восток

СССР, преобразовывали их в противников оккупантов, включая и тех немногих, которые наивно верили в “новый порядок”.

Отношению к высшей школе на оккупированной украинской территории было примерно таким же. Например, при оккупации Киева во время Второй мировой войны Киевский университет им. Т. Г. Шевченко был практически разрушен до основания, а оборудование разграблено и вывезено в Германию. Об отношении оккупантов к высшим учебным заведениям можно судить по показаниям очевидцев [1, 79]: “...я приведу здесь картинный пример того, что наделали немцы, занимая физиологическую лабораторию Киевского университета. Эта лаборатория по богатству оборудования и размерам считалась одной из самых крупных в Европе. Ее возглавлял умерший незадолго до войны европейски известный электрофизиолог В. Ю. Чаговец. Хорошо знаю эту лабораторию, так как я в ней долго работал в качестве ассистента академика Чаговца, я был просто ошеломлен, увидев такие разрушения, которых не могла бы нарисовать фантазия самого воспаленного мозга. Двери во всех шкафах были разбиты, ценная аппаратура валялась с побитыми частями, оптические принадлежности были раскромсаны молотками. Печки топились ценными книгами. В библиотеке на столе валялась задняя крышка переплета из атласа Циона с последней страницей, где были изображены сосуды шеи кролика. Из этой крышки были вырезаны стельки для сапог. Окна были разбиты, имущество валялось по разным местам. Это был такой разгром, который уничтожил до основания все, что было накоплено за столетнее существование университета. Очень пострадала Академическая библиотека. Киевляне помнят, как возглавлявший ее немец ежедневно выносил в своих портфелях разные книги из библиотеки. Из музеев было вывезено все...”.

Поэтому в военном, политическом и административном отношениях гитлеровская [7; 8] национал-социалистическая оккупационная политика, проводимая на территории стран Восточной Европы, в том числе в течение трех лет и в Украине, оказалась ошибочной и потерпела полную неудачу, окончательно похоронив достижения немецкой диаспоры в Российской империи, хотя народным же массам СССР удалось сохранить до настоящего

времени чувство умственного превосходства над всем остальным миром [2]. Но в пору испытаний русская интеллигенция оказалась глупее германской. Германскую все-таки разбили враги, русскую расстреляло или выгнало вон ее же собственное детище – ее же ученики, питомцы и последователи. Германская интеллигенция сидела все-таки дома и никто ее по подвалам не таскал, русская же бежала на чужбину, или погибла на “родине трудящихся всего мира”. У германской есть все-таки некое философское убежище: *если бы не Розенберг с его восточным министерством, мы бы все-таки выиграли войну*. У русской и украинской нет даже и такого убежища. У русского профессора киевлянина Бердяева и у украинского профессора немца и тоже киевлянина Отто Ейхельмана не осталось ничего, кроме “органов усидчивости”, которые они кое-как унесли из пожара, зажженного с их же помощью.

Хотя немцы, жившие на территории СССР, разделили судьбу всех его народов, им в этом отношении “сильно повезло”: не успели пройти общие для всех народов времена prodrazверсток, prodналогов, раскулачивания и голода, как наступили времена безуспешных попыток выезда из СССР этнических немцев, а потом и пора “врагов народа” образца 1937 г., плавно перешедшая в депортации и высылки военных времен, затянувшиеся до девяностых годов XX века. Поэтому множество деятелей культуры, искусства и просто граждан СССР немецкой национальности, особенно в Украине и на Юге России, растворились в спасительной безликой массе “советского народа”. Лишь немцы мест компактного проживания в Сибири и других частей СССР, не находящихся под фашистской оккупацией, составили исключение из этого правила. Потеряв в 1917 году все признаки мобильной диаспоры и не восстановив после 1945 г. автономии в СССР, немцы, живущие на территориях вновь образованных независимых государств, в том числе и на Украине, являются примером того, как происходит национальное и культурное вырождение целых народов с учетом “опыта страны Советов” - национального и культурного гнета и экономических лишений, обусловленных “*плановым социалистическим хозяйствованием*”, перенесенным впоследствии на ниву “*рыночной экономики*”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Київський процес. Документи і матеріали*. – К.: Либідь, 1995. – 208 с.

2. *Российские немцы*. Проблемы истории, языка и современное положение: материалы междунар. науч. конф., Анапа, 21-24 сент. 1996 г.
3. *Федоровская Л.* Нам двоедушие не по породе... / Лада Федоровская // *Коммунист* (орган ЦК Компартии Украины). – 2006. – № 3 (840). – С. 3-4.
4. *Desjat' rokyv UNO* // *Ukrajns'kyj Visnyk*. – 1943. – 1/10. – S. 1.
5. *Fleischer I.* Das dritte reich und die deutschen in der Sowjetunion / Ing Fleischer. – Stuttgart, 1983.
6. *Jergabek B.* Das schulwesen und die schulpolitik im reichskommissariat Ukraine, 1941-1944. In lichte deutscher dokumente. Ukrainischen Freue Universitet / Blanka Jergabek. – Muenchen, 1991. – S. 240.
7. *Rosenberg-Reval A.* Pest in Russland! Der bolschewismus, seine haeupter, handlanger und opfer, deutsche volksverlag, Dr. Boeple / Rosenberg-Reval Alfred. – Muenchen, 1922. – 97 s.
8. *Thierfelder F.* Germanische einfluesse in der Ukraine. Vielfaeltige und enge beziehungen im laufe der geschte / Franz Thierfelder. – Luzk, 1943.

Стаття надійшла до редакції 14.10.2009 р.

